

314902

ИХЛ

Б 6813

ОШЬ
ОРУ

СЕРИЯ
ДЛЯ ГРОМКОЙ
ЧИТКИ

БЛАГОСЛОВИ МЕНЯ, МАМА

Газетно-книжное издательство обкома ВКП(б)
Саратов

1942

Товарищ!

Прочитай эту книжечку вслух у себя на предприятии или в колхозе, госпитале, в школе, домохозяйкам. После читки проводи беседу на тему: изнавидеть врага всеми силами души.

БЛАГОСЛОВИ МЕНЯ, МАМА!

ПИСЬМО МАТЕРИ

Товарищи из редакции! Я написал письмо матери. Мне кажется, что оно выражает не только мои мысли, но и мысли других защитников Сталинграда, которые в эти дни сражаются под стенами нашей славной волжской твердыни. Может быть, напечатаете это письмо?

Дорогая мама! Сегодня случайно среди пожелтевших листков твоих писем я нашел маленькую фотографию. На обороте поставлена дата: «Март 1941 года». Я смотрел на нее и удивленно спрашивал: неужели это я? Серый в клеточку костюм, галстук бабочкой и молодое, ребячье лицо. Я улыбнулся, а потом задумался. Как давно все это было и как много изменилось с тех пор!

Я вспоминал лето 1941 года, пыль на дорогах, толпы беженцев, угрюмую, тревожную тишину покинутых сел. Вспомнил, как плакал, по-детски всхлипывая, старик-шахтер, который подкладывал динамит под лебедку, на которой 40 лет подряд он опускался в шахту. Ты понимаешь, мама,—сорок лет!

Вспомнил февральские морозы, костры на бивуаках, трупы немцев в снегу на полянах. Вспомнил горечь утраты боевых друзей и товарищей на поле брани. Вспомнил радость встреч с родными людьми в полусожженных селениях.

Мы много видели, мы много пережили. Фронт стал нашей второй жизнью, боевые товарищи—нашей семьей, командир—нашим отцом. И не сменим мы пробитую пулями, опаленную солнцем и морозами серую солдатскую шинель на новый штатский костюм из самого лучшего сукна. Злоба на немца кровью спаяла пальцы рук со штурвалом самолета, и даже смерть не в силах оторвать их.

Вот так и умер в бою комсомолец-пилот Михаил Ломака. Он даже мертвым держал штурвал. В часть вернулся только стрелок самолета, татарин Мансул Минулин. Лютой злобой горели его черные глаза. Он протянул руки вперед, схватил дрожащими пальцами воздух, показывая, как держал штурвал Ломака, и тихо сказал:

— Вот так он умер.

Мы стали суровыми людьми, мама. Мы редко смеемся. Мы и не имеем права смеяться, пока немец справляет кривавые трезны в наших городах и селах. Мы научились делать то, что до войны показалось бы нам невозможным.

56813

Ты, наверное, слышала о героическом поступке пилота Николая Дивиченко и его экипажа. О нем сообщало Информационное бюро, о нем писали в «Комсомольской правде». Демьян Бедный посвятил Дивиченко и его товарищам стихотворение. Они повторили подвиг Гастелло и врезались на горящей машине в немецкую автоколонну, но судьба спасла их: они остались живыми и пришли в свою часть обгорелые, измученные, злые. Их ненависть к немцам безгранична. Недавно Дивиченко сказал мне:

— Ляжу спати і як здумаю про подлюгу — німця, — сон мене не бере. Не буду мати спокію ні в день, ні в ніч, доки він мою рідну землю чобітьми топче...

Не знаю, сохранилась ли в сердце хотя бы у одного порядочного человека капля равнодушия к немцу. У нас, молодежи, нет его. Мы ненавидим немца всей душой. Мы не можем хладнокровно ходить по одной земле с немцами, дышать одним воздухом с немцами. Вылетая в бой, мы кладем наган на колени. Собыют над территорией врага самолет, — шесть пуль в фашистов, седьмую — себе в сердце.

Это не значит, что мы не любим жизнь. О, как мы ее любим! Во много раз сильнее, чем прежде. Ты знаешь, на фронте многие стали писать стихи, а родным посылать нежные письма. С жадностью и удивлением смотрим

мы на природу, словно в первый раз раскрылась она перед нами во всей своей чарующей красоте. Но чем больше мы любим жизнь, тем сильнее презираем смерть. Об этом уже немало писалось, об этом много говорилось, и это так.

Есть у меня хороший товарищ. Фамилия его Федоров, а звать Александр. С ним произошла такая история. Вылетел он на разгром вражеской переправы через реку, чтобы не допустить врага на правый берег. Переправа была хорошо прикрыта немецкой зенитной артиллерией. Дым разрывов окутал боевую машину. В тело машины впились много осколков. А Александр спокойно вел самолет к цели. Смертоносными стрелами тянулись с земли трассы пуль. А Александр спокойно летел к цели. Каждая секунда могла принести смерть пилоту. Но он презирал смерть, и он победил.

Не листай, мама, закапаные воском листы древних книг, не ходи к деду Архипу Найденову, не ищи вместе с ним святого чуда в наших удивительных делах. Послушай меня: мы побеждаем смерть не потому, что мы неуязвимы,—мы побеждаем ее потому, что мы деремся не только за свою жизнь; мы думаем в бою о жизни мальчика-узбека, грузинской женщины, русского старика. Мы выходим на поле сражения, чтобы отстоять святое святых—родину. Когда я произношу это слово, мне хочется стать на колени.

Дорогая мама! Я готов спокойно умереть в бою во имя жизни родины и не дрогну даже тогда, когда вспомню, что тебе придется остаться одинокой, без сына.

Наш летчик-комсомолец Алексей Черкащенко писал отцу:

«Эту записку тебе перешлют, когда я буду убит. Не плачь, отец, в сердце своем носи гордость, гордись своим сыном. Умирая, плюю в лицо врага, последним напряжением пальцев выпускаю пулеметную очередь по фашистам. Да здравствует жизнь! Твой Алексей».

Так мы живем, так мы умираем.

Иногда, мама, бывает тяжело, очень тяжело. Горе сводит плечи. Сердце стонет в груди, когда с боевого задания не вернется товарищ, с которым ты год прожил на фронте, ел из одного котелка, укрывался одним одеялом, делился последней щепоткой махорки.

За тоску свою, за смерть друга мы бьем врага втройне.

Гудят моторы. Скоро мы пойдем в бой. Так благослови же меня, мама, на смерть или победу.

Младший политрук Ю. КАЗЬМИН

ЗА ЧТО Я ИХ УБИВАЮ

Когда я проходила по улицам Севастополя, меня всегда останавливали ребяташки и деловито спрашивали: «Сколько вчера убила?».

Я обстоятельно докладывала им о своей работе снайпера. Как-то мне пришлось им честно сказать, что уже несколько дней не истребляла врагов.

— Плохо, — в один голос сказали ребяташки. А один, совсем маленький, сурово добавил:

— Очень плохо. Их надо убивать каждый день.

Он верно сказал, этот маленький, суровый севастьянец. С того памятного дня, когда гитлеровцы напали на мою страну, каждый прожитый мною день наполнен одной лишь мыслью и одним желанием — убивать врага.

Когда я пошла воевать, у меня была большая злость на немцев за то, что они нарушили нашу мирную жизнь, за то, что они напали на нас. Но то, что я увидела потом, породило во мне чувство такой неугасимой ненависти, что ее трудно выразить иначе, как пулей в сердце фашиста.

В отбитой у врага деревне я видела труп тринадцатилетней девочки. Ее замучили и зарезали фашисты. Я видела рядом труп трехлетнего ребенка. В доме поселились немцы. Ребенок капризничал, плакал. Они его убили. Мать сошла с ума. Я видела расстрелянную учительницу. Тело ее лежало у обочины дороги, по которой бежали от нас немцы. Гордая русская женщина предпочла смерть позору, она ударила фашистского офицера по морде.

Они ничем не гнушаются, немецкие солдаты и офицеры. Все человеческое им чуждо. Нет слов, чтобы

определить их подлую сущность. Что можно сказать о немце, в сумке которого я нашла отнятую у нашего ребенка куклу? Это бешеный шакал, которого надо уничтожить ради спасения наших детей.

У нас есть еще бойцы, которые от души ненавидят фрицев, но еще не совсем хорошо овладели техникой боя, своим оружием. Это бездейственная ненависть. Она ничего не даст нашему делу—борьбе за независимость родины, над которой нависла большая опасность.

Если ты еще не умеешь уничтожать врагов, научись, тогда народ скажет тебе: «Ты настоящий мститель». В этом сейчас твой священный долг перед родиной, перед твоей матерью, перед женой и детьми.

Ненависть многому учит. Она научила меня убивать врагов. Под Одессой и Севастополем я уничтожила из своей снайперской винтовки 309 гитлеровцев.

Ненависть обострила мое зрение и слух, сделала меня хитрой и ловкой, ненависть научила маскироваться и обманывать врага, разгадывать его уловки.

Я научилась по несколько суток терпеливо охотиться за вражескими снайперами.

Ничем нельзя утолить жажду мести. Пока хоть один захватчик ходит по нашей земле, я буду думать только об одном: убить врага. И только одно буду говорить своим товарищам по борьбе, своим согражданам: «Убей немца!».

Старший лейтенант, снайпер Людмила ПАВЛИЧЕНКО

Отв. за выпуск Н. Богданова. Корректор Н. Гржевальская.

№Г24841. Подп. к печати 5/ХП 1942 г. Печ. л. 1/4. Зак. 4260. Тир. 50.000
Цена 5 коп. Саратов. Типогр. газетно-книжного изд-ва Обкома ВКП(б).

314902.